

53. Ярый тур Всеволод, ты стоишь на страже, брызжешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами Фряжской стали!
54. Где тур промчался, посвечивая своим золотым шлемом, там лежат поганые головы Половецкие.
55. Посечены саблями калеными шлемы Аварские от твоей руки, ярый тур Всеволод!
56. Пораждала он удары, дорогие братья, забыв о почестях и богатстве, о Чернигове-граде, отчем златом престоле, и о любви и ласке своей милой зазнобы — пригожей Глебовны.
57. Были сечи Троянские, миновали годы Ярославовы; были рати Олеговы, Олега Святославича.
58. Тот Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял.
59. Ступает, бывало, в златое стремя в граде Тмутаракани.
60. (Встарину тот же самый звон слышал и внял великий Ярослав).
61. Но Всеволод сын Владимир что ни утро в Чернигове знай зажимает уши.
62. Бориса же Вячеславича слава-похвальба на Суд завела и на зелень ковьяла погребальную пелену ему постала за обиду Олегу, смелому и молодому князю.
63. С того же ковьяла, укачивая отца своего промеж Угорских иноходцев, снарядил его Святополк к Киеву, ко святой Софии.
64. Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и цвело усобицами, гибло добро Дажбогова внука, в княжеских раздорах поубавился век людской.
65. Тогда по Русской земле редко гаркали пахари, но часто каркали вороны, деля между собою трупы, а галки по-своему гомонили: собираются, мол, лететь на поживу.
66. Так было в те бои и в те походы, но такого боя не слыхивано: с раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копыя Фряжские.
67. В поле неведомом, посреди страны Половецкой, земля, зачерневшая под копытами, была костями засеяна, а кровью полита, и взошли они горем на Русской земле.
68. Что за шум, что за звон мне слышится?
69. Нынче до рассвета кинулся Игорь воротить полки на поле: жаль ему брата многого Всеволода.
70. Бились день, бились другой, а на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
71. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы.
72. Тут кровавого вина не достало.
73. Тут пир покончили храбрые Русские сыны: сватов попили, а сами полегли за землю Русскую.
74. Никнет трава от скорбей, а деревья кручиной пригнуло к земле.
75. Вот и настала, братья, невеселая пора: вот и пустыня силу покрыла.
76. Встала Обида в силах Дажбогова внука: это она вступила девою на землю Троянскую; это она заплескала лебязьими крыльями на синем море, у Дона, и плеском пробудила тлетворные времена смуты.
77. Больше нет победы князьям над погаными, оттого что брат брату сказали — «это мое, а то мое же», и стали князья про малое говорить — «вот, мол, великое» и сами на себя ковать крамолу.
78. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.
79. О! далеко, к самому морю зашел сокол, побивая птицу!
80. А Игоревой храброй рати не воскресить.
81. Ей вслед заголосила вопленица, и плач понесся по Русской земле.
82. Взаметя жар в пламенеющем роге, Русские жены запричитали:
83. «Уж нам своих милых-ненаглядных ни в мыслях не помыслить, ни в думах не отдать, ни в глаза не увидеть, а золотом да серебром и не побренчать».
84. И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей.
85. Тоска разлилась по Русской земле; едкая печаль хлынула внутрь земли Русской.
86. А князья сами на себя крамолу ковали.
87. А поганые, сами победно вторгаясь в Русскую землю, брали дань по шкурке со двора.
88. Это оба храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, снова пробудили вражью силу, которую укротил было и держал в страхе и трепете их названный отец — Святослав грозный, великий, Киевский.
89. Со своими сильными полками и с мечами Фряжскими он напал на землю Половецкую, потоптал холмы и овраги, возмутил реки и озера, иссушил потоки и болота, а поганого Кобяка из Лукоморья, из железных полчищ Половецких будто вихрь вырвал, и рухнул Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовай.
90. Тут немцы и Венецианцы, тут Греки и Мораване поют славу Святославу, кают князя Игоря, что потопил обилие в глуби Каялы и наполнил реки Половецкие Русским золотом.
91. Тут пересел Игорь князь из седла золотого в холопье седло